
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.А. ГЕРАСИМОВ*

ОТ ТИРАНИИ СЕТЕЙ К РЕСПУБЛИКЕ ПИСЕМ

Рецензия на кн.: Олейник А.Н. Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 300 с.

Для цитирования: Герасимов А.А. От тирании сетей к республике писем (Рецензия) // Политическая наука. – 2021. – № 4. – С. 279–286. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.12>

Философ Чарльз Сандерс Пирс полагал, что истина – это знание, к которому придет бесконечное количество ученых через бесконечное количество лет экспериментов и обсуждений. По меркам современного мира родоначальник прагматизма был, конечно, наивным идеалистом. Сегодня мы могли бы добавить за него: если им дать бесконечное количество денег. Именно политэкономическая сторона добывания истины в последние годы привлекла внимание многих исследователей, интеллектуальное становление которых пришлось на сложные времена институциональной трансформации российской академии после распада СССР. Здесь особо можно отметить «Граматику порядка» Александра Бикбова [Бикбов, 2013] и коллективную монографию социологов под руководством Михаила

* Герасимов Андрей Андреевич, аспирант факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), e-mail: agerasimov@eu.spb.ru

Соколова «Как становятся профессорами» [Как становятся профессорами..., 2015].

Еще одним значительным высказыванием в этом ряду стала книга экономиста и социолога Антона Николаевича Олейника «Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках». Монография уже давно появилась на английском языке [Oleinik, 2014], а теперь наконец доступна и в русском переводе. Довольно оригинален главный посыл книги – анализ текущего положения дел в российских общественных науках с помощью тщательно операционализированных понятий и количественной методологии. На фоне мемуаров и биографических интервью, которые зачастую бессознательно легитимируют ортодоксию научного истеблишмента, последовательная объективация является наиболее выигрышной стратегией для беспристрастного изучения генезиса и структуры поля [Бурдые, 2018]. Другое дело, насколько успешно такая объективация реализована.

Сам автор осторожно называет первые две теоретические главы книги «немного затруднительными для чтения». Я бы сказал, что они весьма и весьма затруднительны. Но совсем не из-за абстрактного характера самой проблемы. Все дело в том, что автор с самого начала время от времени отходит от единой канвы повествования и в свободной манере делится рассуждениями по поводу самых различных аспектов коммуникации в науке. Часто его заметки небезынтересны, но нащупать среди этих экскурсов единую нить изложения бывает непросто. Более того, вместо аргументов в поддержку того или иного концептуального тезиса используется то, что в современной популярной культуре называется неймдроппингом. Для разворачивания собственной концепции научной коммуникации А.Н. Олейник достаточно бессистемно ссылается на идеи самых разных дисциплин и школ, которые отстаивали чуть ли не полярные взгляды на то, в чем заключается метод познания социальной действительности. В этих главах присутствуют сноски на диалектических материалистов, семиотиков, сторонников философской деконструкции, постпозитивистов, теоретиков систем и, конечно, едва ли не на всех значимых социологов и экономистов.

Обсуждение такого сложного социокультурного феномена, как наука, разумеется, требует учета самых разных оптик. Увы, та форма, в которой это делается в монографии, в большинстве слу-

чаев совершенно ничего не добавляет к содержанию, но зато существенно затрудняет чтение. Претензия автора на то, чтобы погегелевски снять противоречия между различными направлениями, используя терминологию экономики трансакций, не достигает своей цели. Обещанное «общее решение проблем коммуникаций в науке» оказывается довольно пространным теоретическим эссе. Для действительного решения поставленной проблемы потребовалась бы не глава и даже не отдельная монография, а целый историко-теоретический многотомник. Достаточно самонадеянным является претензия сделать это на протяжении нескольких десятков страниц. На мой взгляд, это является недоработкой даже не столько автора, сколько научного редактора монографии, который мог бы предложить выстроить подразделы в ином порядке, а что-то и вовсе вырезать цельности ради. Впрочем, читателям перевода повезло больше, чем тем, кто знакомился с книгой в оригинале на английском языке. Наиболее последовательный и логичный теоретический фрагмент – это новое предисловие к русскому изданию, где некоторые неясные предпосылки автора излагаются наиболее понятно.

Основная концептуальная канва книги, таким образом, состоит в следующем. Наука понимается А.Н. Олейником в институционально-экономическом ключе как система различных трансакций между агентами, которые требуют институционального погашения издержек из-за оппортунизма, неоднородной среды, асимметричной информации и т.п. Исследователь выделяет пять ключевых типов трансакций: *автор – рецензент, ученый – политик, ученый – администратор, автор – читатель, преподаватель – студент*. В организации этих трансакций содержится дополнительное напряжение в переходе между регистрами. С одной стороны, это личный *регистр отдельных локальных сетей* (школ, кругов). С другой стороны, письменный *регистр глобальной коммуникации* в границах воображаемого сообщества всех возможных ученых, которое автор называет «Республика писем» в честь сообщества европейских интеллектуалов раннего Нового времени. В последней идее прослеживается влияние уже не экономических подходов, а социологической теории – символического интеракционизма.

Обидно, что в монографии более полное раскрытие этого многообещающего диалога между двумя крупными теоретическими традициями принесено в жертву механическому перечислению

сторонних имен. Так, например, было бы важно узнать соображения исследователя по поводу того, где именно пролегает граница между материальными (гранты, коммерческие заказы, трудовые ресурсы) и символическими (публикации, степени, связи) благами. Или где кончаются сугубо внешние стимулы и начинается координация через интериоризацию норм сообщества, связанная с освоением языка. Наконец, можно ли рассматривать язык научных коммуникаций как экономическое благо в принципе или уже само осмысление его в таких понятиях инструментализирует и обедняет его. Более глубокое изучение этих вопросов было бы ценно не только для теории науки как таковой, но и для обсуждения дизайна исследования, в котором автор пытается изучить в известном смысле и самого себя.

Тем не менее и в таком отрывочно изложенном материале есть много ярких исследовательских находок. Каждая эмпирическая глава посвящена раскрытию основных издержек одного из типов транзакций при переходе от сетевого регистра к созданию генерализованного обмена идеями. Первая из них (третья по счету в целом) посвящена рецензированию журнальных статей, заявок на гранты и ставки. Здесь А.Н. Олейник пытается не только раскрыть основные моменты конфликта интересов между рецензентами и рецензируемыми, но и предложить решения, подсмотренные в практике англосаксонских судов, которые помогли бы избежать бюрократизации надзора за учеными и сделать их взаимодействия более горизонтальными. На фоне «ценностной нейтральности» своих коллег замечания автора о потенциальных путях реформирования смотрятся довольно свежо.

Четвертая глава про неудачи реформ науки в постсоветской России, призванных вывести ее в международное пространство за счет эмуляции североамериканских best practices, также покажется многим симпатичной на уровне ценностей. Автор отмечает, что институциональная среда, в которую трансплантируют практики, не менее важна, чем они сами. Многочисленные поколения российских реформаторов науки, включая текущее, крайне редко учитывают это обстоятельство, что приводит к неудачам и даже откатам назад. Увы, эмпирические индикаторы этого сводятся лишь к самой общей описательной статистике. Подобная макропроблематика, возможно, заслуживает более развернутых данных о популяции университетов и исследовательских институтов в целом.

Можно сказать, что А.Н. Олейник только намечает свои аргументы в дискуссии о взаимном влиянии между научными организациями и окружающей их институциональной средой.

В пятой главе тезис про неудачные трансферы частично конкретизируется через анализ управленческих иерархий учебных заведений. В ней исследователь не жалеет стрел в адрес своих бывших коллег по НИУ ВШЭ, показывая, что из всех образцов западной науки они выбирают только те, в продвижении которых материально заинтересован постоянно расширяющийся менеджмент вуза, но проигрывают остальные стейкхолдеры. В итоге созданный с нуля университет постепенно мимикрирует под другие постсоветские организационные иерархии. «Вышка» оказывается ниже аналогичных университетов западных стран по защищенности контрактов с преподавателями, уровню заработной платы, занятости выпускников в академической сфере. Невысоки и достижения университета в накоплении символических благ – показателей цитируемости. Этот тезис, безусловно, актуален в контексте последних громких скандалов и жарких обсуждений качества управления вузами в России. Тем не менее необходимо отметить, что данные для исследования несколько потеряли свою актуальность за десять лет с момента их сбора. Интересно было бы узнать, изменилась ли авторская оценка результатов развития передовых российских университетов за это время.

Наиболее спорной является эмпирическая часть книги – шестая глава про обмен идеями между автором и читателем. Здесь исследователь пытается отстоять довольно распространенный тезис о том, что один и тот же научный текст воспринимается по-разному учеными с разным образовательным и исследовательским бэкграундом. Делается это за счет явно переусложненного экспериментального дизайна с кодированием четырьмя соавторами работ друг друга. Разумеется, А.Н. Олейник и его коллеги блестяще владеют различными техниками анализа количественных данных. Однако их уместность в рамках предложенного дизайна остается под вопросом. Кажется, что более тонких выводов можно было бы достичь с помощью качественной методологии. Так же было любопытно рассмотреть эту проблему при помощи сетевого анализа реально существующих паттернов цитируемости.

Наконец, седьмая глава посвящена стоимости студенческих оценок. Автор указывает на двусмысленность обмена между пре-

подавателями и студентами. Зашкаливающая переговорная сила преподавателя чревата монополизацией знаний, завышенная власть студентов – инфляцией. В любом случае, А.Н. Олейник возмущается давлением на современный университет рынка, который грозит монополизацией и инфляцией одновременно. Автор предлагает считать университет особым набором коллективных благ, для которых не подходит ни исключительно рыночное, ни исключительно иерархическое управление. В очередной раз – близкий многим общественно-политический диагноз, снова – интересные практические предложения по части того, как можно все улучшить. Тем не менее ни то ни другое не подкреплено данными, за исключением самых общих и иллюстративных.

Необходимо отдать должное автору – он не просто критикует текущее состояние общественных наук в России, а предлагает институциональные решения коллективных дилемм, возникающих в процессе рецензирования статей, оценивания студенческих работ и т.д. Именно такого проектного мышления не хватает очень многим аналогичным исследовательским проектам. Однако чуть ли не самый интригующий вопрос остается нераскрытым. Кто будет заниматься насаждением этих «республиканских» институтов? Как сказали бы философы: кто должен стать политическим субъектом? Будут ли это сугубо профессиональные ассоциации, дистанцированные от любой государственной политики? Или, напротив, ученые должны искать альянса с широким демократическим движением, которое предоставило бы им ресурсы и легитимность в обмен на экспертизу? Боюсь, что существующая «трайбализация» отечественной академии блокирует оба механизма реформ и заставляет ученых придерживаться статус-кво [Трайбы и транспарентность..., 2019]. Эта же самая трайбализация, как мне кажется, могла бы объяснить, почему любые идеи по улучшению финансового и интеллектуального климата внутри российских общественных наук обычно подразумевают не конкретного агента реформ, а абстрактную прогрессивную власть.

В итоге приходится признать, что чтение книги с самого начала порождает самые противоречивые впечатления. Некоторые места невероятно остроумны и задают стандарты для любого, кто занимается историей, социологией или экономикой отечественных общественных наук. Другие части монографии, напротив, неоправданно недоработаны и лишены цельности. А.Н. Олейник ставит

целый ряд очень важных проблем не только научного, но и политического и даже философского характера. Увы, это ведет к размыванию фокуса исследования. Грустная ирония заключается в том, что работа, посвященная коммуникации в науке, сама является примером неудачной коммуникации.

Возможно, все дело в том, что за последние десятилетия российские социологи все-таки преодолели некоторые сетевые ограничения провинциальной науки и стали частью мировой Республики писем. Сегодняшние читатели, вроде меня, избалованы и даже возвращены избытком современных институциональных исследований науки – в отличие от А.Н. Олейника, который задумывал и проводил свое исследование в крайне сложной переходной среде, где кроме него такие вопросы почти никто не ставил. Если так, то, по крайней мере, можно констатировать, что некоторый прогресс в разрешении проблемы транзакционных издержек все-таки состоялся, хотя и спонтанно. Возможно, автор монографии может быть отчасти им доволен.

A.A. Gerasimov*

From the Tyranny of networks to the Republic of letters (Review)

For citation: Gerasimov A.A. From the Tyranny of networks to the Republic of letters (Review). *Political science (RU)*. 2021, N 4, P. 279–286. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.12>

References

- Bikbov A.T. *Grammar of order: a historical genealogy of concepts that change our reality*. Moscow : Higher school of economics, 2013, 432 p. (In Russ.)
- Bourdieu P. *Homo Academicus*. Moscow : Gaidar institute publishing house, 2018, 464 p. (In Russ.)
- Kosmarski A.A., Kartavtsev V.V., Podorvanyuk N. Yu., Bode M.M. Tribe and transparency: prospects for digital governance in Russian science. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2019, N 6, P. 65–90. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05> (In Russ.)

* **Gerasimov Andrew**, HSE University (Moscow, Russia), e-mail: agerasimov@eu.spb.ru

- Oleinik A.N. *Knowledge and networking: on communication in the social sciences*. New Brunswick : Transaction publishers, 2014, vi + 238 p.
- Sokolov M.M., Guba K.S., Zimenkova T.V., Safonova M.A., Chuikina S.A. *How to become professors: academic careers, markets and power in five countries*. Moscow : New literary review, 2015, 832 p. (In Russ.)

Литература на русском языке

- Бикбов А.Т. Грамматика порядка: историческая генеалогия понятий, которые меняют нашу реальность. – М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 432 с.
- Бурдые П. Номо Academicus. – М. : Издательство Института Гайдара, 2018. – 464 с.
- Трайбы и прозрачность: перспективы цифровых механизмов самоорганизации в российской науке / А.А. Космарский, В.В. Картавцев, Н.Ю. Подорванюк, М.М. Бодя // Мониторинг общественного мнения. – 2019. – № 6. – С. 65–90. – DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.05>
- Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах / М.М. Соколов, К.С. Губа, Т.В. Зименкова, М.А. Сафонова, С.А. Чуйкина. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 832 с.